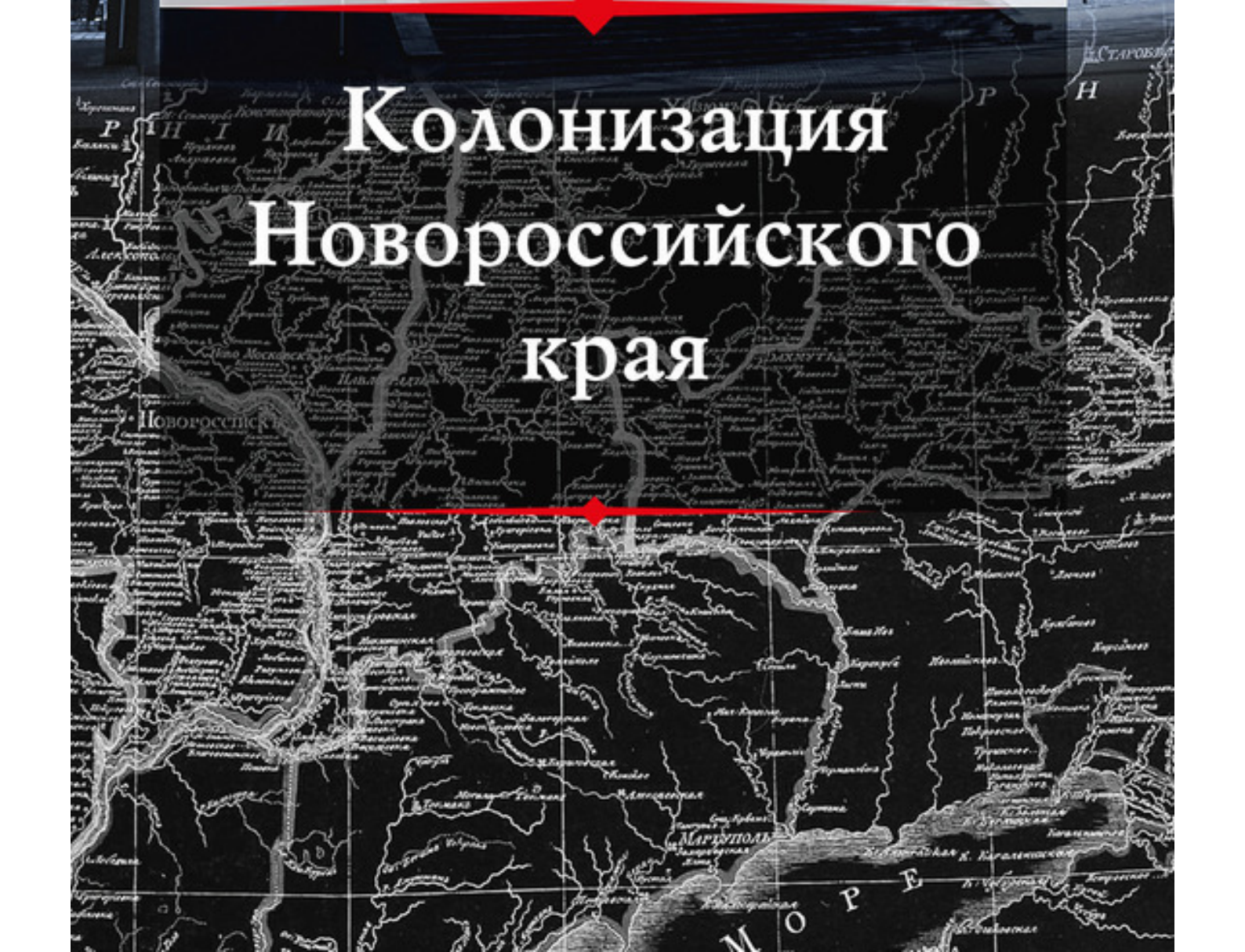

Д. И. Багалея

Колонизация
Новороссийского
края

Дмитрий Багале́й

**Колонизация Новороссийского
края и первые шаги
его по пути культуры**

Издательство «Кучково поле»

1889

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Багале́й Д. И.

Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры / Д. И. Багале́й — Издательство «Кучково поле», 1889

ISBN 978-5-9950-0590-2

На основе малоизвестных исторических источников российский историк Дмитрий Иванович Багале́й воссоздает широкомасштабную картину продвижения России на Юг, освоение Новороссии, становление ее самобытной культуры. Впервые этот труд, предметом которого, по словам автора, «будет местность, обнимающая нынешние Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (исключая в последней Крым), и известная под именем Новороссия или новороссийских степей», увидел свет в 1889 г. и с тех пор не переиздавался, хотя сохранил научную значимость благодаря огромному фактическому материалу.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-9950-0590-2

© Багале́й Д. И., 1889
© Издательство «Кучково поле», 1889

Содержание

Дмитрий Иванович Багалей	6
Предисловие автора	8
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Иванович Бага́лей
Колонизация Новороссийского края
и первые шаги его по пути культуры

© Кучково поле, 2015

© Михальченко С. И., вступ. ст., 2015

Дмитрий Иванович Багалей

Дмитрий Иванович Багалей родился 26 октября 1857 года в Киеве в семье ремесленника. В 1876 году после окончания 2-й Киевской гимназии Багалей поступил в Киевский университет св. Владимира, где его учителем стал Владимир Бонифатьевич Антонович. Антонович был незаурядным педагогом. В 80–90-е годы XIX века его учениками были А. М. Андрияшев, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Г. Ляскоронский и другие известные историки. Общие принципы в выборе тем и методологии исследований позволили назвать сформированную Антоновичем школу областнической: многочисленные публикации его учеников касались прежде всего истории и географии различных областей Древнерусского государства.

В 1879 году предложенная Антоновичем тема по истории Северной земли была взята сразу двумя студентами – третьекурсником П. В. Голубовским и четверокурсником Багалеем; на следующий год они представили сочинения под одинаковыми названиями и оба получили медали. При этом работа Багалей удостоилась значительно более восторженного отзыва Антоновича, чем труд Голубовского.

Столь успешное начало научной деятельности привело к оставлению Багалей для подготовки к профессорскому званию при кафедре русской истории университета св. Владимира в 1880 году. Далее в его биографию вмешалось следующее обстоятельство: в Харьковском университете уже много лет пустовала кафедра русской истории, и киевские украинофилы решили попытаться направить туда своего кандидата (Багалей с юности принимал участие в украинском общественном движении), а поскольку к занятию кафедры готовился оставленный при Харьковском университете П. Буцинский, и, кроме того, на объявленный конкурс подали документы также магистрант Киевского университета И. А. Линниченко и магистр В. И. Семевский из Петербурга, то нужно было спешить с «остепенением» собственного кандидата. Эти причины помогли ускорить защиту диссертации, тем более что тема ее совпала с темой медальной работы и была посвящена, таким образом, истории Северной земли. Руководитель Багалей Антонович, правда, отмечал в отзыве, что текст был значительно переработан и дополнен. Другие историки придерживались более критической точки зрения. Так, один из учеников Антоновича и конкурент Багалей по конкурсу в Харькове, И. А. Линниченко, увидел в книге немало незакавыченных заимствований из трудов других авторов. Справедливости ради стоит отметить, что и сам Багалей на склоне лет признавал невысокий уровень своего магистерского сочинения. Но, так или иначе, в дальнейшем вся жизнь Багалей была связана с Харьковом – получив магистерскую степень, он избирается экстраординарным, а с 1887 года и ординарным профессором Харьковского университета. Выслужив положенный 25-летний срок, в 1908 году он стал заслуженным профессором. В 1906–1911 годах исполнял обязанности ректора ставшего для него родным учебного заведения.

Вскоре после начала преподавания в Харькове, в 1888 году, Багалей пригласили прочитать лекции по истории Северного Причерноморья для офицеров морского флота в городе Николаеве. Именно эти лекции и стали основой изданной годом позже монографии Д. И. Багалей «Колонизация Новороссийского края и первые шаги по пути культуры. Исторический этюд», впервые опубликованной в журнале «Киевская старина» в 1889 году и вышедшей в том же году отдельным изданием. Книга написана в традициях школы Антоновича, так же как и защищенная в 1887 году докторская диссертация ученого – «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», – и представляет собой историко-географическое исследование. Приведя в начале книги подробную историко-географическую характеристику местности, Д. И. Багалей затем показал, «как в процессе освоения природы и борьбы с набегами кочевников происходило заселение края и развитие материальной и духовной культуры, рассматривая его как естественный рост уровня цивилизации». Исследователь творче-

ства Багалей В. В. Кравченко полагал, что, в целом, Д. И. Багалей дал «объективную оценку государственной колонизации Новороссийского края»¹. В 1920 году Багалей переиздал монографию на украинском языке.

Научное творчество Багалей было достаточно разноплановым. Кроме изучения истории Южной и Слободской Украины в XVII–XIX веков (Історія Слобідської України. Харків, 1918), он занимался также историей Харькова и Харьковского университета [Опыт истории Харьковского ун-та (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1904. Т. 1–2; История г. Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год) (совм. с Д. П. Миллером). Харьков, 1905–12. Т. 1–2], руководил описанием исторического архива Харькова, собирал биографические материалы Г. С. Сковороды и В. Н. Каразина, издал их труды. Автор курсов русской историографии (Ч. 1–3, 1907) и русской истории (Ч. 1–2, 1909–1911). Проводил раскопки и составил археологическую карту Харьковской губернии (опубликована в 1906).

Багалей не ограничивался только научной и образовательной деятельностью. С начала XX века он активно занялся политикой, по своим взглядам относясь к либерально-демократическому лагерю. В 1905 году он вступил в партию кадетов. А годом позже был избран членом Государственного совета от российских университетов и Академии наук (состоял в нем в 1906 и в 1911–1914). Наконец, в годы Первой мировой войны (в 1914–1917), Багалей был городским головой Харькова.

Восторженно приняв Февральскую революцию, Багалей поначалу без энтузиазма отнесся к Октябрьскому перевороту. Лишь к 1919 году он перешел на позиции марксизма и, отказавшись от, несомненно, имевшейся у него возможности эмигрировать, стал сторонником советской власти. Годом ранее он был избран во вновь образованную Академию наук Украины, где возглавил Историко-филологическое отделение (в 1918–1920 и в 1929–1930). Любимым детищем ученого стала основанная им в 1922 году научно-исследовательская кафедра истории Украины, с 1927 года носившая его имя. В 1930 году кафедра была преобразована в также носивший его имя многоотраслевой НИИ. В 1927 году был широко, на государственном уровне, отмечен юбилей ученого.

Не оставляя Багалей и преподавательской деятельности, он продолжал быть профессором университета, а после его преобразования возникших на его базе Академии теоретических знаний, а позже Института народного образования. Одновременно активно занимался общественной деятельностью, состоя в различных научных и просветительских организациях.

В последние годы жизни творчество Багалей, как ученого старой школы, подвергалось ожесточенной критике. Тем не менее, он оставался на всех постах вплоть до смерти, последовавшей 9 февраля 1932 года.

Доктор исторических наук Сергей Иванович Михалъченко

---

¹ Багалій Д. Заселення Південної України і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.

Предисловие автора

Любопытную и крайне своеобразную страницу в общей истории русской колонизации представляет история колонизации Новороссийского края и по необычайной быстроте колонизационного процесса, и по разнообразию этнографических элементов, привлеченных к этому процессу, и по блистательным результатам, увенчавшим тяжелые труды первых пионеров. Эта страница отчасти уже даже написана в многочисленных трудах ветерана-историка Новороссийского края А. А. Скальковского², и всякий, знакомый с его историческими и статистическими работами, согласится с тем, что они для своего времени представляли в высшей степени замечательное явление, можно сказать, что в областной исторической литературе того времени они занимали первое место, так на них смотрела и Императорская академия наук, присуждавшая автору высшие награды (Демидовскую и Уваровскую премии). Да и теперь всякий исследователь новороссийской старины должен будет обращаться к трудам Скальковского, как к богатейшей сокровищнице ценных материалов, доселе не утративших своего значения. Иное заключение мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого материала. Требования к историческому исследованию за последнее время значительно увеличились, и им-то не удовлетворяет «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края», изложенное не в прагматической, а в летописной форме. К трудам А. А. Скальковского, по своему характеру и направлению, примыкают исследования преосвященного Гавриила³. Затем в более позднее время стали появляться историко-статистические описания отдельных губерний, составленные офицерами Генерального штаба, в том числе Херсонской и Екатеринославской; в описании первой мы встречаем, между прочим, «Краткий исторический взгляд на Херсонскую губернию»⁴, заключающий в себе общий очерк заселения губернии с несколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми из архивных источников. Вот и все старые труды по истории Новороссийского края вообще и колонизации его в частности на русском языке⁵.

Но раньше всех их (в 1820) вышло в Париже на французском языке сочинение, специально посвященное историческому очерку Новороссии, принадлежащее перу маркиза де Кастельно⁶. Оно могло дать иностранцам наглядное и довольно верное представление о крае, сильно интересовавшем и привлекавшем их своею торговлею и промышленностью, тем более, что тогда во главе его стоял известный французский эмигрант дюк де Ришелье, желавший привлечь сюда в большом количестве французских колонистов. Автор этой книги имел все данные, чтобы написать хорошее сочинение на избранную им тему: он долго жил в Новороссии, путешествовал по ней, делал наблюдения над местным климатом, находился в непосредственных отношениях к местным деятелям и, что самое важное, получил от представителей местной администрации и устные и письменные известия о недавнем прошлом и современном состоянии края; если к этому еще мы прибавим в высшей степени доброжелательное отношение

---

² «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1730–1823)», в 2 томах, Одесса, 1836, 1838; «История Новой Сечи», 3 издания (1842, 1846, 1885); Опыт статистического описания Новороссийского края, в 2 частях, 1850–1853.

³ «Очерк повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый» (в третьем томе Записок Одесского общества истории и древностей) и Продолжение очерка о Новороссийском крае (в 5-м томе Записок Одесского общества истории и древностей); эти же статьи перепечатаны в «Сочинениях» преосвященного, изданных в Москве в 1854 г.

⁴ Шмидт А. А. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. СПб. 1863. С. 3–78.

⁵ Сюда еще нужно причислить М. М. Кирьякова «Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии» в «Материалах для статистики Российской империи». СПб. 1839. С. 163–189.

⁶ Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. p. 1820; в первой и второй частях излагается систематическая история новороссийских степей, начиная со скифов и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; в конце второй части, кроме того, мы находим описание природы Новороссийского края и его колоний; в третьей части помещены исторические и статистические сведения об Одессе и отчет о путешествии в Крым.

автора к личности и деятельности императора Александра I, выразившееся, между прочим, в посвящении ему книги, и желание оценивать мероприятия разных деятелей, то для нас станет ясно, что мы имеем дело с серьезным трудом, интересным не только для иностранного, но и для русского читателя. Так, во второй части мы найдем немало интересных данных и соображений по истории заселения Новороссии (таково описание местной природы и сведения о колониях); а третья часть, посвященная специально городу Одессе и ее торговле, в этом отношении еще интереснее. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастанельно и найдет в ней немало промахов и пробелов; его не заинтересует описание древнейших судеб Новороссии и он пожалеет, что истории колонизации края во второй половине XVIII века и начале XIX века отведено так мало места; в характеристике деятельности дюка де Ришелье он увидит не объективное воспроизведение заслуг и недостатков этого деятеля, а исключительно один панегирик; не раз он пожалеет также, что автор не обозначал более точно своих источников и т. п. А. А. Скальковский и другие исследователи не были поставлены в необходимость ссылаться на книгу де Кастанельно, потому что сами имели в своем распоряжении множество новых и разнообразных материалов и писали только на основании их; но будущий историк новороссийской колонизации, нам кажется, не обойдет ее и примет во внимание некоторые взгляды маркиза де Кастанельно.

Кроме этих общих сочинений можно указать на несколько монографий по отдельным вопросам; таковы – А. А. Скальковского о болгарских колониях, его же, Смольянинова и Орлова об Одессе, Владимирова об Екатеринославе, Никитина о евреях-земледельцах, Клауса об иностранных колониях, Щебальского и Брикнера о Потемкине, Пейсоннеля о черноморской торговле. Но вопрос о колонизации Новороссийского края поставлен на настоящую почву только в самое последнее время, в издаваемых Херсонской земской управой «Материалах для оценки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиков, что они в каждом из трех доселе изданных томов «Материалов» поместили по краткому очерку заселения описываемого ими уезда, так что из этих частичных очерков составится впоследствии полная картина заселения Херсонской губернии. Нет никакого сомнения в том, что колонизационный процесс находится в теснейшей связи с существующими ныне формами землевладения и хозяйства, так как с самого момента заселения края складывались и вырабатывались те или иные формы землевладения, сословных отношений, местного управления и т. п. К сожалению, статистики, стесненные рамками своей специальной задачи (современного хозяйственного и экономического изучения губерний), едва ли будут иметь возможность достаточно подробно, как того требует важность предмета, изложить историю фактического заселения Новороссийского края и условий, сопровождавших это заселение. Очевидно, что это прямая задача специалиста-историка, и жаль, что до сих пор никому из исследователей не пришла на мысль такая благодарная тема; по всей вероятности, этому мешает обширность задачи, обилие и разнообразие печатных и архивных данных, но мы, само собой разумеется, далеки от мысли принять на себя такую задачу – для этого понадобилось бы напечатать, может быть, два больших тома; наша настоящая статья представляет некоторую переработку публичных лекций, прочитанных весной 1888 года в городе Николаеве, и издается вследствие выраженного некоторыми лицами желания видеть их в печати. Со времени выхода в свет трудов А. А. Скальковского накопилось немало новых материалов; они-то и послужили главным источником для моих статей; таковы разнообразные и ценные документы, помещенные в тринадцати томах «Записок Одесского общества истории и древностей», в нескольких томах «Сборника Императорского Русского исторического общества», в журнале «Киевская старина», в «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии» Феодосия, в «Материалах для истории Южнорусского края» А. А. Андриевского, в мемуарах немецкого врача Дримпельмана и Пишчевича. Кроме того, нами найдено для себя кое-что ценное и в таких источниках первой руки, которые были изданы еще до выхода в свет трудов А. А. Скальковского, но которыми ни он,

ни другие почти не пользовались; таковы путешествия и описания академика Гюльденштедта, профессора Дюгурова, Измайлова, Неизвестного, Мейера. Наконец, нами немало почерпнуто и из той сокровищницы материалов, из которой и черпали, и будут черпать все исследователи, – из Полного собрания законов Российской империи. Не перечисляем мы здесь также и источники, положенные в основу нашего топографического очерка новороссийских степей, по их общеизвестности (Эрих Лясота, Боплан, князь Мышецкий, Корж).

На основании всех этих материалов и перечисленных выше пособий мы постараемся проследить в общих чертах распространение русского государства в движении народонаселения к югу, к заветному побережью Черного и Азовского морей; попытаемся определить виды и формы, размеры в быстроту колонизации, роль в ней государства и народа, русского племени и иноземцев. Вместе с тем сделаем краткий очерк зачатков местной культуры, развивавшихся параллельно с колонизацией края и находившихся в прямой, непосредственной связи с этой последней, можно сказать, всецело определявшей ее. Но предварительно нам необходимо будет сделать характеристику местной природы для того, чтобы определить те условия, при которых совершалось заселение края.

Глава I

Природа страны

Географическое положение степей, Днепра с его порогами, плавнями и островами; Буга и Днестра. Флора. Фауна. Невзгоды степной жизни: зимняя стужа, летняя жара и засуха; саранча; соседство с татарами

Предметом нашего изучения будет местность, обнимающая нынешние Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (исключая в последней Крым), и известная под именем Новороссия или новороссийских степей. Географическое положение и природа новороссийских степей определили их историческую судьбу: с самых отдаленных времен они служили жилищем для кочевников (кочевников. – *Примеч. ред.*), постоянно приходивших в Европу из Азии через Каспийские ворота, вытеснявших друг друга и уступавших свое место новым пришельцам. Не перечисляя древнейших обитателей их, мы только напомним о современниках древних русичей – печенегам, черным клобукам, половцам и татарах; одни кочевники надолго задерживались в новороссийских степях; другие только проходили через этот великий путь из Азии в Западную Европу и там уже проявляли свою разрушительную деятельность. Новороссийские степи на востоке сливаются мало-помалу со степями Азии; вот почему они же сделались торною дорогою для всех азиатских кочевников. Природа их представляла гораздо больше удобства для бродячей, кочевой, чем для оседлой, жизни. Здесь исконно господствовала не лесная, а степная растительность – высокие густые травы, столь заманчивые для кочевников; леса здесь, если и попадались, то в виде оазисов. Здесь был простор, столь необходимый для кочевников, с их многочисленными стадами рогатого скота и табунами лошадей; здесь почти нет лесов, препятствующих постоянным передвижениям с одного места на другое; здесь мало и гор: почти вся местность отличается равнинным характером; везде, куда ни бросишь взор, увидишь одну бесконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцем, отличительною чертою которой нужно признать почти полное отсутствие разнообразия. Единственными предметами, на которых останавливается взор, являются курганы – это немые свидетели отдаленного прошлого; но и к ним скоро привыкает глаз, может быть потому, что и они похожи друг на друга. «Только Днепр, Днестр и Буг, – говорит о херсонских степях А. А. Шмидт, – составляют как бы исключение в Херсонской губернии разнообразием и живописностью многих своих мест. Окаймляя или разрезывая всю степную поверхность с севера на юг, они поражают своим исполинским величием и извиваются широкими синими полосами среди обширных зеленеющих долин, лесов, садов, лугов, камышей, резко отделяющихся от белеющих пространств наносных песков»⁷: Первое место между этими реками по праву принадлежит Днепру⁸, известному под именем Борисфена уже отцу истории Геродоту. Начинаясь в пределах Смоленской губернии, из болот, расположенных у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днепр впадает лиманом в море и, таким образом, соединяет отдаленный северо-западный край с Черным морем; в пределах новороссийского края он течет на расстоянии более 500 верст и на всем этом пространстве орошает степи. Характеристическую черту Днепра в пределах северной части Екатеринославской губернии составляют пороги и заборы. Днепровские пороги издавна привлекали к себе внимание путешественников и писателей; о них сообщали сведения византийский император Константин Багрянородный, Эрих Лясота, Боплан,

---

⁷ Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. СПб., 1863. Ч. 1. С. 96.

⁸ В Записках Одесского общества истории и древностей (Т. 3. С. 571–580) помещено замечательное «Описание реки Днепра от местечка Переволочного до Черного моря, 1697 года, содержащее в себе любопытные сведения о реках, речках, ветках и островах реки Днепра».

неизвестный автор «Книги Большому Чертежу», составитель атласа реки Днепра XVIII века и, наконец, автор статьи, помещенной в третьем томе «Записок Одесского общества истории и древностей» (с. 581–586); но число порогов в этих источниках указывается неодинаковое (от 7 до 13); сами названия их с X века изменились; впрочем, имена их у Константина Багрянородного переданы неточно. «Пороги, – говорит немецкий путешественник XVI века Э. Лясота, – это пучины (Strudl) или скалистые местности, где Днепр во всю ширину свою загружен камнями и свалами, которые отчасти находятся под водою или на уровне ее, отчасти же поднимаются высоко над водою, почему и делают плавание по этой реке весьма опасным, особенно во время мелководия»⁹. По словам Боплана, пороги составляют род плотины, которая запруждает реку: «Днепр подымается и падает с высоты 5 или 6 футов, на некоторых местах от 6 до 7 футов, смотря по обилию вод его; весною, при таянии снегов, он покрывает все пороги, исключая седьмого – Ненасытецкого, который только и препятствует судоходству в это время; летом же и осенью, когда вода стоит на самой низкой точке, водопады имеют нередко от 10 до 15 футов в высоту»¹⁰. Самый грозный из порогов Ненасытецкий, теперь называемый Дидом. «Страшный шум, – говорит Афанасьев-Чужбинский, – зачастую слышный еще от Звонецкого порога, здесь уже очень явственно дает знать о близости Деда, как называют лоцманы Ненасытец, и вскоре вправо показываются огромные всплески волн, бьющихся белой пеной между камнями. Оба берега скалисты... Собственно порог состоит из двух рядов камней, идущих дугообразно от правого берега к левому, преграждая, таким образом, течение Днепру, который, бросаясь с первого уступа и низвергаясь далее, шумит ужасающим образом. Правый берег одет огромными камнями, разбросанными в живописном беспорядке... С Монастырька, а лучше всего сверху горы, вид на пороги – превосходный; Ненасытец представляется с птичьего полета весь покрытый белой жемчужной пеной. Шумит он как-то особенно; порою случается слышать в его гуле необыкновенные два перелива; но бывает, что он стихает совершенно и только вблизи слышно, как переливается вода через камень...»¹¹. Днепровские пороги, конечно, должны были служить значительными препятствиями для судоходства; порожистое течение Днепра представляло собой как бы естественную твердыню, которая преграждала путь и в лежавшее за нею далее к югу русло Днепра (уже за порогами). Эта часть Днепра отличается другим свойством, характеризуется так называемыми плавнями.

Днепр течет здесь в широкой долине, перерезанными рукавами, гирлами и заливами реки, образующими множество озер, затонов и островов; эти-то низменные долины, образуемые днепровским руслом, и называются плавнями. Они состоят из песчаных и иловатых наносов реки, затопляемых весенними разливами и, за исключением некоторых возвышенных мест древнего образования, в период большого обилия вод в реке, остаются в течение всего года на горизонте ее вод. Низменности одеваются болотною растительностью и густо растущим камышом, покрывающим сплошным ковром целые десятки квадратных верст. Прочие низменности долины представляют собой луговые пространства, одетые иногда густою лесною растительностью, преимущественно вербою, или же представляют совершенно оголенные наносы песка, как бы мели, только что выдвинувшиеся на поверхность воды. За исключением этих песчаных пространств, плавни составляют особое богатство страны, из-за скудности в ней строительного материала, топлива, а иногда и сена. Не говоря о значении леса в степном крае, но и камыш, достигающий роста от 5 до 6 аршин и более, употребляется на топливо и на постройку крыш, изгородей и самих домов (что имеет немаловажное значение), а луга доставляют постоянный и обильный сенокос, несмотря на случающиеся неурожаи сена в степях. Иловатая почва долины, при низменном ее положении, весьма способна к разведению садов и огородов... Кроме того,

⁹ Путевые записки Э. Лясоты. Перевод и примечания Ф. К. Вруна. С. 27.

¹⁰ Описание Украины. С. 22.

¹¹ Поездка в Южную Россию. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 100–101, 103, 104.

она представляет особенное удобство в разведении птицы и животных¹². «Какая бы ни была засуха, – говорит Афанасьев-Чужбинский, – под влиянием которой выгорают молодые травы в степи, но она в плавне не ощутительна: здесь почва, напоенная обильным разлитием Днепра, сохраняя надолго влагу, дает роскошное прозябание растительности и на этих поемных местах трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лесами. И, кроме того, над Днепром, как над большою рекою, все-таки перепадают дожди даже и в то время, когда в степи не бывает их совершенно»¹³. Описанные здесь плавни начинаются сейчас же за днепровскими порогами еще в пределах Екатеринославской губернии (они-то были известны у запорожцев под именем «Великого Луга»), но затем тянутся и далее в пределах Херсонской губернии до самого лимана.

Мы уже выше заметили, что Днепр образует в плавнях множество островов; острова эти начинаются еще в порожистой части Днепра, но больше всего мы находим их за порогами в плавнях. Уже Э. Лясота¹⁴ и Боплан¹⁵ обратили внимание на днепровские острова, особенно много распространяется о них последний. Впрочем, он сам при этом заявляет, что спускался только до острова Хортицы, а об островах за днепровскими порогами сообщает по рассказам других; он называет, между прочим, Великий остров, Томаковку, Катер, Носоковку, Тавань; самым значительным из островов был Хортицкий. По словам Э. Лясоты, этот «прекрасный, высокий и приятный» остров имел в длину две мили и разделял Днепр на две равные части; Боплан к этому присоединяет еще такие сведения: он очень высокий, почти со всех сторон окружен утесами, следовательно, без удобных пристаней. В ширину имеет с восточной стороны около полумили, но к западу уже и ниже. Он не подвержен наводнениям и покрыт был густым лесом. Кроме более или менее значительных островов, была еще целая масса небольших островков, образуемых руслами реки, озерами, затонами и т. п. «Несколько ниже реки Чертомлыка, – говорит Боплан, – почти на середине Днепра, находится довольно большой остров, с древними развалинами, окруженный со всех сторон более нежели 10 тысячами островами (это, конечно, гипербола), которые разбросаны неправильно, беспорядочно; почву имеют иные сухую, другие болотистую, все заросли камышом, возвышающимся подобно пикам и закрывающим протоки между островами».

Таков был Днепр с его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Буг. Прорезываясь, подобно Днепру, через каменную гряду – отроги Карпат, он также образует пороги (между Ольвиополем и селом Александровкою). Здесь каменными глыбами усеяно все дно реки, всех порогов и, кроме того, еще не мало и забор; пороги делают эту часть Буга очень живописною, но, вместе с тем, совершенно неудобною для судоходства; ниже порогов (от Александрова до впадения реки Куцега Еланца) Буг течет в долине шириною от одной до пяти верст и, подобно Днепру, образует плавни¹⁶. Плавни эти состоят то из лугов, заливаемых водою только во время половодья, то из топей, покрытых камышом или мягкими лесными породами деревьев, то из совершенно обнаженных песчаных пространств. В нижнем

¹² Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. Ч. 1. С. 168–169.

¹³ Поездка в Южную Россию. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 154.

¹⁴ Путевые записки. С. 26–30, 52–53.

¹⁵ Описание Украины. С. 17–19, 22–29.

¹⁶ В том описании земель, доставшихся России по мирному трактату с Турцией 1774 года, мы находим довольно подробное описание реки Буга; там говорится, что Буг расширяется от впадения в него реки Мертвовода (у Вознесенска), а верст 15 ниже Мертвовода начинается плавня, зарастающая камышами, и тянется на расстоянии 27 верст до Сухого Еланца, только у Голой Пристани, верст на шесть выше Еланца, правый берег чист и не покрыт камышом; на юг от Сухого Еланца на расстоянии двух верст опять идет плавня, с обоих берегов болотистая и заросшая камышом; далее к югу Буг значительно расширяется (от 250 до 600 сажений) и течет так на протяжении шести верст, причем левый берег его все-таки покрыт камышом, песчаными кучугурами и лугами; после этого делает вдруг поворот на восток и, разлившись на 600 сажений, течет так до самого устья, имея глубину от 28 до 40 футов (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 180–181).

течении Буга плавней почти вовсе не было; здесь он сильно расширяется и достигает максимальной глубины¹⁷. Боплан указывает несколько островов на Буге (Андреев и Кременцов¹⁸).

На Днестре мы видим пороги и отчасти те же плавни и острова; только Днестр образует еще более плодородную долину, нежели Днепр и Буг; долина днестровская составляет богатство края, представляя самую плодороднейшую почву для садов, виноградников и огородов, доставляя лес, камыш и всегда обеспеченный сенокос¹⁹.

О притоках Буга и Днепра «Топографическое описание» области, доставшейся нам от турок в 1774 году, говорит следующее: «речек по сей земли, хотя по обширности ее и не весьма (много), однако довольно. Но все почти маловодны и к вершинам совсем в летнее время воды не имеют. По всем же, кроме Ингула и Ингульца, речкам переезды вброд вблизи самих устьев есть; а которые при том болотисты и у тех на деле от устья как до семи верст и в самое разливающееся время реки Днепра переезжать можно...²⁰. По Ингулу вверх суда с рыбою ходят, от устья до 40 верст, где уже более 4 футов глубины не имеет»²¹.

Почва Новороссийского края должна быть названа, в общем, очень плодородной: чернозем преобладает и в Херсонской, и в Екатеринославской губернии, и толщина его колеблется между четырьмя вершками и полутора аршинами. Чернозем этот покрывает описанные нами речные долины и настоящие степи, и притом слой его тем толще, чем выше эти степи приподняты над уровнем моря; но так как степи понижаются к югу по мере приближения к Черному и Азовскому морям, то наиболее тонкий слой чернозема оказывается у самого побережья, возле лиманов. Очаковская область, т. е. часть Новороссийского края²², лежавшая между Бугом и Днестром, по качеству почвы может быть разделена на две части – северную и южную; первая отличается необыкновенным плодородием, а вторая, приморская, производит только тощую растительность; западная часть степи – днестровская – более изобилует водою, чем восточная (бугская); протекающие здесь реки могут быть разделены на три группы: одни никогда не пересыхали, другие пересыхали только отчасти, а третьи совсем; кроме речной воды жители пользовались еще колодцами и родниками²³. Что касается речных долин, то там почва наносная – преимущественно илисто-песчаная, а иногда илисто-песчано-черноземная (по течению Днестра) – и в одном, и в другом случае довольно плодородная. Конечно, кроме черноземных пространств, есть также и песчаные, и солончаковые, и болотистые, совершенно неудобные для культуры; такова, например, Кинбурнская коса, или, как ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая из себя настоящую Ливийскую пустыню и отличавшаяся таким же характером и в прежние времена, но существование бесплодного пространства не нарушает общего вывода о плодородии степей. Об этом плодородии свидетельствуют многие очевидцы старого времени, сообщающие данные о богатстве степной флоры. Послушаем, например, что говорит об этом Боплан: «По полям Замокания (Самоткани), – говорит он, – особенно же по лощинам, встречаются целые леса вишневых деревьев, небольшие, но весьма частые, длиною ино-

¹⁷ Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. С. 188, 190. См. также описание реки Буга – Мейер А. К. Повественное, землемерное и естественное описание Очаковской земли. СПб. 1794. С. 110–112.

¹⁸ Описание Украины. С. 31.

¹⁹ Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. С. 198.

²⁰ Подробнейшее перечисление днепровских притоков см. в сочинении князя С. И. Мышецкого «История о казаках запорожских» (с. 59–73); гораздо менее удовлетворительны сведения атласа реки Днепра конца прошлого века, см. Русов А. А. Русские тракты. С. 128–129.

²¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 181, 183–184.

²² Мейер А. К. Повественное, землемерное и естественное описание Очаковской земли. СПб. 1794. С. 100–103. Оно включает в себе подробные сведения о физико-географических свойствах очаковской области: «нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и железными частицами наполненной земле производит только тощие, солковатые и все вообще как бы дымчатые растения. Верхняя же или кодымская часть плодородностью и изящностью своей земли превзойти может всякую другую страну».

²³ Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. С. 200–201.

гда более полумили, а шириною от 200 до 300 шагов; летом вид их прелестен. Там же растет множество диких малорослых миндальных деревьев с горькими плодами; но они не составляют лесочков, подобно вишням, коих вкусные плоды не уступают садовым»²⁴. По течению реки Самары (притока Днепра), по словам Боплана, было большое обилие леса, который доставляли отсюда в Кодак²⁵; один из островов у Стрельчого порога был покрыт диким виноградом²⁶, острова Хортица и Томаковка – лесом²⁷. Князь Мышецкий сообщает нам список деревьев, кустарников и трав, растущих при Днестре: виноград, яблоки, груши, терн, барбарис, малина, вишни, ежевика. На днепровских островах – дикий чай, шалфей и другие аптечные травы, дуб, осокорь или осина, ивняк, гордовое и таволжное дерево; но все эти деревья для построек не годятся²⁸. Автор «Топографического описания» говорит о части херсонских степей, прилегающих к Днепру и Бугу, таким образом: «Земля на сем округе, выключая около рек песчаные косы и кучугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и более, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунт имеет и вся к плодородию способна; но на высоких горах от жаров и трава скоро высыхает, следственно хлебопашество там производить нельзя, а только к тому балки и от рек низменные места, и пологость при балках гор способными остаются; да и траву, если на тех горах получать для покосу, то каждую осень выжигать неотменно принуждено»²⁹.

О флоре тот же автор говорит следующее: «лесов довольных нет, а по балкам местами растут яблони, груши, а более терновник, шиповник, хмель, виноград (весьма одичал, а потому весьма мелок, вкус кисловатый имеет и растет не во множестве), вишни, ивняк, осокорь, боярыня, гордина, и все изредка; на островах, что в гирлах, довольно ольхи, березы, лозняку или вербы, терну, но все мелкие; а по реке Аргмак ле или Громок лее несколько годного и в строение лесу есть... Травы водятся разные, а вообще в балках и около рек растет пырей, дягельник, чернобыльник, дикий лук, щавель, крапива, лебеда, цикорий, горчица; из цветов тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по-над берегом лимана капуста заячья, спаржа, и в степях: ковыль, катран, бурьян, шалфей, мята; по горам много богородицкой травы и полыни, морковка дикая как пастернак, чебер, бедринец, а во множестве около Гарду по Бугу между камнями артишок, а в реках, по Днепру водяные орехи, лапушник, изобильно тростнику и камышу, очерет называемого... грибов никаких, кроме чемпионов, не видно. Из ягод, кроме изредка, клубники и земляники, никаких нет»³⁰. А вот весьма характерный отрывок из донесения правителя Екатеринославского наместничества Каховского об Очаковской области, приобретенной от турок: «в проезд мой, осматривал я оба берега Березанского, Тилигульского и Куяльницкого лиманов. Обозрев ныне все почитаемые мною нужнейшими места в новоприобретенных землях, приемлю смелость всем подданным донести Вашему императорскому величеству, что нашел я по всему пространству земли отменно тучные и плодородные: сие доказывается остатками развалин многочисленных бывших повсюду селений и различного рода лучшими травяными кормовыми растениями, коими покрыты не только все долины, но и плоские места, исключая берегов и отлогостей по реке Днепру. Весьма мало попадались мне солонцеватые и песчаные места; болотистых же не наезжал я, как только по берегам Буга и Днестра и по лиманам, кои покрыты камышом, пригодным для употребления вместо дров»³¹.

²⁴ Описание Украины. С. 16.

²⁵ Там же. С. 18.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ История о казаках запорожских. С. 78.

²⁹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 185.

³⁰ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 186–187; Чернявский в своем «Описании Сечи» перечисляет леса, принадлежавшие запорожцам; см. «История о казаках запорожских». С. 83–84.

³¹ Сравнительный взгляд на Очаковскую область. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. С. 260–261.

Не меньшим богатством отличается фауна степей. Боплан описывает подробно водившихся здесь байбаков и сугаков и говорит также об оленях, ланях, сайгах, диких кабанах необыкновенной величины и диких лошадях, ходивших табунами от 50 до 60 голов³². Э. Лясота передает, что на обратном пути из Сечи он и его товарищи встретили медведя и убили его (между речками Самотканью и Домотканью)³³. Князь Мышецкий перечисляет зверей, которые встречаются по обоим берегам реки Днепра и по островам; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикие козы, дикие кошки, дикие кабаны, дикие лошаки; на очаковской стороне в Черном лесу водились медведи и лоси³⁴; автор «Топографического описания», известия которого относятся в конце XVIII века, когда количество диких зверей уже уменьшилось, говорит следующее: «зверей диких прежде войны важивалось довольно, но ныне изредка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а в камышах дикие свиньи и кабаны. По левую сторону Ингула есть множество диких лошадей, а в реках довольно выдры. Были, сказывают, олени и сугаки, но ныне совсем не видно»³⁵. По сообщению Пейсоннеля, сугаки (дикие овцы) в Очаковской и Перекопской степи водились в изобилии еще и в конце XVIII века; Гюльденштедт упоминает об оленях в Елисаветградской провинции во второй половине XVIII века; дикие козы, куницы и барсуки были еще и в нынешнем столетии³⁶.

Царство пернатых также было велико. Князь Мышецкий перечисляет следующих птиц, которые водились на днепровском побережье и на островах: дикие гуси разного рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястребы³⁷; автор «Топографического описания» присоединяет еще сюда стрепетов, чаек и некоторых других³⁸.

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиман) Тилигул, – говорит Боплан, – так обильно рыбою, что стоячая вода оного получает запах несносный... Озеро Куяльник столь же обильно рыбою, как и Тилигул. Ватаги рыбаков приезжают на сие два озера далее нежели из-за пятьдесят миль и ловят карпов и щук величины необыкновенной»³⁹. Псел и Ворскла – рыбные реки; но обильнее всех рыбою приток Днепра Орель; река Самара также весьма обильна рыбою⁴⁰. Князь Мышецкий передает, что запорожцы в его время в Днепре и впадающих в него реках ловили много осетров, севрюги, стерляди, сомов, сазанов, линей, щук, карасей, белизны, окуней, судаков, плотвы, сельдей, лещей⁴¹

---

³² Описание Украины. С. 89–93.

³³ Путевые записки. С. 54

³⁴ История о казаках запорожских. С. 77.

³⁵ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 187.

³⁶ Историко-статистическое, обозрение Херсонской губернии. // Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839. С. 181; о сугаках и диких козах свидетельствует и А. К. Мейер. С. 192.

³⁷ История о казаках запорожских. С. 77–78.

³⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. С. 187.

³⁹ Описание Украины. С. 32–33.

⁴⁰ Там же. С. 15, 16, 18.

⁴¹ История о казаках запорожских. С. 77.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.